

Ушаков Александр Сергеевич

Очерки Москвы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Сергеевич У.**
Очерки Москвы / Ушаков Александр Сергеевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 197 с.

ISBN 978-5-519-78543-3

ISBN 978-5-519-78543-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Довольно большая комната, нѣчто въ родѣ пріемной, по срединѣ раздвижной столъ съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ, влѣво каминъ, на немъ часы, на стѣнахъ нѣсколько картинъ. Не смотря на нѣкоторую чуждость обстановки, явно проглядываетъ бѣдность.

ЯВЛЕНІЕ I.

(За самоваромъ Варвара Прозоровская; кругомъ Людмила, Ларинъ, Дамбовъ, Терскій, у камина Никандръ Степановичъ Прозоровскій и Старжевскій).

Прозоровскій. Эхъ, господа! все это не такъ, все это не такъ.—Все это молодо-зелено.... Честно, что говорить, да толку-то, сути-то мало.

Ларинъ. Да, помилуйте, Никандръ Степановичъ, какже и дѣйствовать противъ общественнаго зла?

Прозоровскій. Такъ! Но надо себя выяснитъ, осмыслить зло....

Ларинъ. Какъ вы его выясните! его цѣлая куча!

Прозоровскій. А, вы разложите эту цѣлую кучу, большую на маленькія, да одну за другой и уничтожайте ихъ. Въ жизни главное—система, планъ. Вотъ я не хвастаясь скажу, что держусь этого аналитическаго метода въ жизни! опостылѣла мнѣ служба, не сошелся съ властями, я ее и бросилъ, но не оставляю преслѣдованій; у меня въ рукахъ обоюдострое оружіе—перо, а подъ руками непобѣдимая современная сила—типографскій станокъ.

Ларинъ. Это такъ-съ, но для такой борьбы прежде всего необходимы матеріальныя средства.

Прозоровскій. Средства!—Борьба вамъ дастъ средства.

Людмила. Ну, какъ же—много она тебе дала; то и дѣло безъ денегъ сидишь, то-ли дѣло, бывало, когда служилъ чиновникомъ особыхъ порученій.

Прозоровскій. Ишь-ты какая! тебе бы все вдругъ, а ты то не забудь, что ты Антигоной стала съ тѣхъ поръ, какъ я Эдишъ.

Людмила. Ну, еще далеко до Эдиана-то, ослѣпить прежде надо.

Прозоровскій. Я ужь и такъ ослѣпъ въ отношеніи тебя.

Людмила. Ну еще не совсѣмъ.

Прозоровскій. (*Старжевскому*) Вотъ подите съ ней. У ней обо всемъ свои понятія. Скверная вещь—отцовская слабость. (*Ларину*) Вы ея не слушайте! у женщинъ свой законъ.

Людмила. Наше время сравняло мужчинъ и женщинъ, слѣдовательно и законы для нихъ равны.

Прозоровскій. Ну, да, ладно, съ тобой не сговоришь, а я вотъ опять таки повторяю, что надо раздробить враговъ и сражаться съ ними порознь, а то сама себя сгубите.

Ларинъ. Ваша метода мнѣ не по характеру: въ ней много хладнокровія.

Прозоровскій. Позвольте, я обращаюсь къ старому. Вамъ не нравится служба?

Ларинъ. Не нравится.

Старжевскій. Смѣю спросить—самая служба или ея обстановка?

Прозоровскій. Позвольте, Владиславъ Юрьевичъ, не въ томъ дѣло. Не нравится, бросьте.

Ларинъ, Хорошо-съ! А чтожь я буду жевать?

Прозоровскій. Ну ужь послѣ этого я васъ не понимаю: да не ужели вы до сихъ поръ не знаете, что нигдѣ такъ не легко найти средство къ жизни, какъ у насъ....

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Фалѣевъ.

Прозоровскій. А, здравствуйте, Сергѣй Васильевичъ, вы какъ нельзя болѣе кстати—вотъ, батюшка, разожьшите споръ, не убѣдишь никакъ—вы торговый человѣкъ.... Ну не правду-ли я говорю, что нигдѣ такъ не легко сыскать средства къ жизни, какъ у насъ, особенно если смѣтка есть?

Фалѣевъ. Не беру на себя авторитета торговаго еловѣка, Никандръ Степановичъ—какой же я торговый,—но не согласенъ съ вами, что средства легко оstattъ, если дѣло поведешь честно.

Ларинъ. Вотъ это такъ!

Терскій и Дамбовъ. Именно.... какъ же иначе!... омилиуйте! мы молодое поколѣніе?...

Прозоровскій. Постоите, постоите молодое поколѣніе.. Вы не такъ меня поняли.... Вы все о честности высокой, какимъ-то демономъ внушаемой вамъ. Съ чего-жъ вы взяли, что я то человекъ безъ честныхъ правилъ и убѣжденій! Вы значить всѣ просто ни іоты не понимаете, что я разумѣю, говоря, что намъ легко даются средства. Я, молодое поколѣніе, говорю о благодати нашей Руси, о ея петронутыхъ богатствахъ, объ этомъ золотомъ днѣ, которое стоитъ только копнуть, говорю о привольѣ, о легкой промышленности труда говорю....

Людмила. Ну, да будетъ! Это ты по своему обыкновенію, передернулъ, только не совсѣмъ чисто.

Прозоровскій. Какъ передернулъ?

Людмила. Да такъ таки. Началъ о здравіи, а свелъ за упокой.

Прозоровскій. Леди.... мы поссоримся.

Людмила. Ссорься пожалуй — это до меня не касается.... Пойдете-ка, Владиславъ Юрьевичъ, въ мою комнату, его вѣдь не переслушаешь. Скучно наконецъ.

Старжевскій. (*Прозоровскому*) Съ вашего позволенія? (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢЖЕ БЕЗЪ ЛЮДМИЛЫ И СТАРЖЕВСКАГО.

Прозоровскій. Подите вотъ съ ней. Просто сердить-ся на нее даже не могу.

Ларинъ. Да и не зачто, Никандръ Степановичъ: она права.

Прозоровскій. Ну, я съ вами болѣе и говорить не хочу, не стоитъ.

Ларинъ. Какъ угодно—побѣда, слѣдовательно, зампой. Варвара Никандровна, не пойти-ли намъ сразиться теперь въ шахматы?

Варвара. Пойдемте. Вамъ не угодно болѣе чаю, м-сье Фалѣевъ?—

Фалѣевъ. Нѣтъ-съ, благодарю васъ.

Ларинъ. Идемте.

Варвара. (*естаетъ*) Аннушка! убирай.

Терскій и Дамбовъ. Мы вамъ не помѣшаемъ?

Ларинъ. Когда Варвара Никандровна играетъ, она никого и ничего не видитъ.

Прозоровскій. Сосредоточенный характеръ — что говорить!

ВАРВАРА. Я привыкла отдаваться вся тому, что меня занимаетъ.

ПРОЗОРОВСКИЙ. Ну, тутъ, батюшка, на побѣду-то надежду брось.

ЛАРИНЪ. Попытаемся, Никандръ Степановичъ, попытаемся.... (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ПРОЗОРОВСКИЙ и ФАЛЪЕВЪ.

ПРОЗОРОВСКИЙ. Вотъ, батюшка, Сергѣй Васильевичъ. время то, какое! Молодежь-то наша какова! намъ старикамъ, и рта розинуть не датутъ. А и хороши это, батюшка Сергѣй Васильевичъ, я люблю это и нарочно, знаете, подобные споры завожу: въ нихъ, и такъ сказать, пробую прочность ихъ нравственныхъ убѣжденій.... Крѣпки, крѣпки, нечего сказать, ничѣмъ не повихнешь! Великое дѣло, Сергѣй Васильевичъ, свобода: она у меня положена краеугольнымъ камнемъ въ воспитаніи дѣтей моихъ. Живи, мысли дѣлай что тебѣ угодно.... Но вы не подумайте, чтобы я подъ этимъ разумѣлъ дѣлай, дескать, и дурное... можно дескать, сквозь пальцы смотрю; вѣтъ-съ, имен-

по-съ, дурного то они не сдѣлають при такихъ условіяхъ, потому что они развиваются, мыслятъ.

Фалѣевъ. Да это такъ, Никандръ Степановичъ; вотъ въ нашемъ купеческомъ обществѣ совершенно противоположное: у насъ прежде всего форма, буква, до сихъ поръ патріархальныя отношенія, все это отличилось въ такія узкія формы, что мочи нѣтъ—душно.

Прозоровскій. Такъ, такъ! Вы въ этомъ обществѣ не уживетесь, Сергѣй Васильевичъ.

Фалѣевъ. Помилуйте.... я и сплю и вижу, какъ бы мнѣ только выбраться.... Я рано остался безъ семьи, Никандръ Степановичъ, а потому не чувствую на себѣ ни гнета, не чувствую этого красиваго купческаго комуэта; знаете-ли, Никандръ Степановичъ, скажу вамъ откровенно, мнѣ жалъ нашу молодежь, изъ нея могло бы выдти много хорошаго, если бы не этотъ гнетъ и такія понятія. Особенно могли бы быть хороши въ нашемъ быту женщины, но достопочтенные родители оставили себѣ какъ бы задачею портить ихъ, портить тѣ самыхъ пеленокъ.

Прозоровскій. Ну, я не соглашусь съ вами на счетъ женщинъ: помилуйте, что за женщина купчиха? колода какая-то; ни страсти, ни увлеченья!

Фалзевъ. Нѣтъ, напрасно, Никандръ Степановичъ. Это справедливо только относительно нѣкоторыхъ: она дѣлается колодою ужъ черезъ нѣсколько лѣтъ по замужствѣ, когда ее добьетъ жизнь—прежде же, дѣвушкой и на первыхъ порахъ замужства, въ ней и страсть, и увлеченіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая типичность во всемъ! Знаете-ли, что никѣмъ такъ не легко воспользоваться, какъ русскою купеческою женой, въ первое время ея замужства, когда она вышла замужъ не по любви, а по волѣ родительской и только начинаетъ понимать, что такое жизнь, и ни на комъ и ни на чемъ еще не остановилась.

Прозоровскій. Эге.... ге.... ге..., батюшка Сергѣй Васильевичъ, да вы практикъ по этой части, а я васъ, знаете, все за такого тихонькаго, смирененькаго считалъ, за красную дѣвушку.

Фалзевъ. Нѣтъ, позвольте, позвольте, Никандръ Степановичъ, вы не такъ поняли меня: я смотрю на это съ извѣстной точки зрѣнія, я только хочу этимъ сказать, что въ нашемъ купеческомъ обществѣ много силы, много жизненности, и что изъ такой женщины могло бы выдти много хорошаго при лучшихъ условіяхъ.

Прозоровскій. Да, но вѣдь лучшія условія.... это, это вещь далеко неопредѣленная.... У купцовъ лучшія условія—пестрая азіятская роскошь, рысаки и т. п.

Фалѣевъ. Я не про это говорю, я говорю про нравственныя условія, про воспитаніе.

Прозоровскій. Нравственныя! ха, ха, ха! по развѣ купецъ имѣетъ понятіе о нравственности, я думаю онъ и не слыхалъ о такомъ словѣ и не выговорить.

Фалѣевъ. Позвольте, позвольте, зачѣмъ это такъ сплошь, агуломъ? Много семействъ живутъ очень честно и нравственно.

Прозоровскій. Полноте, полноте, Сергѣй Васильевичъ, купецъ и нравственность, — да это несовмѣстимыя понятія!... Вамъ, батюшка, не мѣсто въ этомъ обществѣ, вамъ тамъ нечего дѣлать, вамъ необходимо сберечь себя, выбраться изъ него, теперь же по добру, по здорову; съ вашими способностями и съ вашимъ образованіемъ вы вездѣ будете на мѣстѣ, придержитесь когонибудь изъ насъ и вы пойдете впередъ.

Фалѣевъ. Я объ этомъ подумаю.... Никандръ Степановичъ, я только знаю боюсь какъ-то....

Прозоровскій. Э, полноте, чего же бояться? Мы